Чёртова Реинкарнация — Глава 148: Останки (5)

«Не лучше ли просто умереть, чем испытывать такую боль?» — серьезно размышлял Юджин, лежа в постели.

Каждый раз, когда он даже пальцем шевелил, все его тело пронизывала такая боль, что юноше приходилось стискивать зубы, чтобы не закричать. Его тело было так туго обмотано бинтами, что ему было душно. Он принимал так много лекарств, которые так отвратительно пахли, что у него болели ноздри.

Это был не первый раз, когда юноша испытывал отдачу от Самовозгорания. Он чувствовал её и в прошлой жизни. Однако Юджин был уверен, что нынешняя отдача причиняет наибольшую боль. Даже в прошлой жизни ему никогда не было так больно.

— Угх… уфф… — простонал юноша, снова стиснув зубы. Он только что поднял палец, но чувствовал себя так, словно кто-то раздробил его кости ледорубом.

Проклятое Молниеносное Пламя было причиной его сильной боли. Оно значительно увеличило силу Самовозгорания, но отдача также стала значительно сильнее. В результате мышцы Юджина испытывали сильную боль. Хотя он тренировался снова и снова, его тело не могло справиться с отдачей от обновленного Самовозгорания.

— Если ты теперь собираешься использовать Самовозгорание и Молниеносное Пламя вместе, то, может, назовем это Самовозгоранием Грома? — спросила Мер, сидя на кресле-качалке рядом с кроватью Юджина. Отложив книгу, которую она читала, девочка уставилась на юношу сверкающими глазами.

— Или это Молниеносное Самовозгорание?

— Когда-нибудь я действительно могу убить тебя, — сказал юноша, глядя на неё в ответ.

— Я думаю, что имя Самовозгорание действительно крутое, но версия, которую ты используешь сейчас, совсем другая. Это совсем другой уровень, так что не стоит ли тебе изменить название?

— МерМер Мердейн, я действительно собираюсь убить тебя.

— Меня зовут не МерМер Мердейн.

— Ах, черт. Самовозгорание — это моя техника, и я ее использую. Почему ты пытаешься вывести меня из себя, придумывая новые имена?

— Считай это необходимым советом. — Мер надулась, вставая со стула. — ...Если ты дашь своим техникам действительно позорные имена, ты можешь больше не использовать эту безмозглую опасную технику, потому что тебе будет слишком стыдно.

— Ты говоришь прямо как Сиенна. Она говорила точно так же, как ты, говоря мне, чтобы я прекратил использовать Самовозгорание. — Юджин нахмурился. — В той ситуации мне пришлось использовать Самовозгорание. Да, сейчас это чертовски больно, но я не жалею, что использовал его. Я буду использовать его и в будущем, когда этого потребует ситуация. Если я этого не сделаю, я просто пожалею об этом потом.

— ...Я не знаю, что такое боль, но люди будут колебаться, если знают, что им будет больно, — пробормотала Мер, уставившись в пол.

— Я не колеблюсь. Если я решаю что-то сделать, я всегда это делаю. Кроме того, в следующий раз, когда я использую его, будет не очень больно. Когда мое тело адаптируется к Молниеносной Вспышке, тяжесть отдачи снизится до нормальной...

— Значит, это Самовозгорание Грома? — девочка быстро подняла голову.

— Я сейчас не могу двигаться, потому что мне больно, поэтому не могла бы ты постучать себя по голове?

— В отличие от тебя, у меня нет мазохистского увлечения перегружать свое тело или заставлять себя страдать. — Мер надула щеки в расстройстве, присев на край кровати юноши. На мгновение она посмотрела на Юджина, чувствуя себя виноватой перед ним.

У него не было никаких последствий, так как он обычно очень быстро восстанавливался. В замке Черного Льва не было эликсиров, но было много дорогих и эффективных зелий. Поскольку Юджину была оказана надлежащая первая помощь, его левая рука полностью восстановится после недели постельного режима. Хотя юноша испытывал такую сильную боль, что думал, что лучше бы ему умереть, через пару дней в постели он почувствовал бы себя гораздо лучше.

Мер тоже это знала, но это не означало, что она могла спокойно относиться к травме юноши.

«Что если сэр Юджин так и не поправится, и ему придется всю жизнь провести в постели? Что если он получит невосполнимые травмы в тяжелом бою, как в последний раз?... Или умрет во время боя?» — нервно подумала Мер.

Цокнув языком, Юджин сказал: Перестань думать о худших сценариях. Это приносит несчастье.

— ...Ам... как ты узнал? Ты можешь читать мои мысли?

— Ты как открытая книга.

— ...Я не могу не волноваться. Мне не нравится видеть, как ты страдаешь. Мне бы еще больше не хотелось видеть, как ты умираешь.

— Ты действительно считаешь меня мазохистом, да? Думаешь, мне нравится страдать и умирать? Хватит болтать. Просто подойди и почисти мне яблоко.

— ...я не знаю, как его чистить.

— Ты всегда не делаешь чего-то, потому что не знаешь как? Могут быть вещи, которые ты плохо умеешь или не знаешь, как делать. Но ты все равно должна стараться и практиковаться, чтобы стать лучше в этом деле.

— Ладно, старичок. — Мер надулась, глядя на корзину с фруктами, стоящую на прикроватной тумбочке юноши. Генос и Гион принесли корзину, пока Юджин был без сознания.

«Боже...» — Юджин не мог винить девочку, но все равно испытывал странное чувство несовместимости.

Включая возраст из прошлой жизни, юноше было более шестидесяти лет. Его тело изменилось, но душа не изменилась, поэтому с технической точки зрения называть его стариком было бы неправильно, не так ли? Однако девочка, которая только что назвала его "стариком", выглядела просто как молодая девочка. Не была ли она на самом деле 200-летним фамильяром?

— Нелепо, моя личность — это личность юной мадемуазель, — Мер говорила как героиня старого романа.

— Что за манера разговаривать? — пробормотал Юджин с лицом, полным отвращения. Мер драматично высунула язык в сторону юноши. Затем она взяла большое яблоко и начала чистить его ножом, который был размером с ее ладонь.

Тук-тук.

Пока девочка с трудом чистила яблоко, кто-то постучал в дверь комнаты Юджина. Это был Генос.

— Входите, — ответил юноша.

Мужчина вошел в комнату и посмотрел туда-сюда между Мер, которая выглядела серьезной, держа нож для разделки, и кучей яблочных шкурок, к которым все еще была прикреплена

яблочная мякоть, упавшая на пол.

— ...Позволь мне сделать это. — предложил Генос.

— Мне не нужно знать, как аккуратно снять кожуру с яблока, пока я живу, потому что мне не нужно есть яблоки. Более того, тебе не нужно снимать кожуру с яблок, когда ты готовишь яблочный пирог или яблочный сок, — быстро сказала Мер. Юджин не был уверен, придумывает ли она оправдания или просто болтает попусту.

Девочка передала мужчине разделочный нож, и Генос ловко нарезал яблоко, пока говорил: ...Глава Совета... Нет, сэр Дойнс пришел в себя.

— Это счастливая новость?

— ...Черные Львы и Совет Старейшин могут так думать, но сэр Дойнс не считает свое выживание хорошей новостью. Первое, что он сказал, придя в себя, было: Почему вы спасли меня? — Генос отложил разделочный нож, горько усмехнувшись. Перед ним стояла тарелка, полная яблочных ломтиков в форме кролика. Мер быстро взяла ломтик и съела его.

— Спасти его все равно невозможно, — спокойно сказал Юджин.

— Да, сэр Дойнс отказывается от дальнейшего лечения. Но... он говорит, что хочет услышать от тебя всю историю и выразить свое раскаяние, старший брат.

«Раскаяние, да?» — подумал юноша, сделав кислую мину.

Глава Совета не был тем, кто попросил Баранга убить Юджина. Это был Доминик. Однако глава Совета не был безупречен: он слишком много говорил со своим внуком.

Конечно, этот инцидент все равно бы произошел, даже если бы глава Совета держал язык за зубами. Заговор Доминика, Гектора и Эварда не имел ничего общего с попыткой Баранга убить юношу. Доминик сделал бы это сам в любом случае.

— ...Когда? — неохотно спросил Юджин.

— Если ты не против, я приведу его сюда прямо сейчас, — нетерпеливо проговорил Генос.

— Я не против, но не лучше ли мне самому прийти? Я прошу зайти ко мне умирающего дедушку с дыркой в груди.

— Твоя травма тоже серьезная, старший брат. И глава Совета настоял на том, чтобы именно он

навестил тебя.

— Почему он настаивает?

Мужчина не ответил, немного поколебавшись. Проверив, закрыта ли дверь, он также проверил, не подслушивает ли кто-нибудь.

— Я не знаю точной причины, но у меня есть несколько идей.

— Идей? — спросил юноша, наклонив голову в замешательстве.

— ...Ты рассказал мне всю историю недавнего инцидента. — Генос начал говорить, тщательно подбирая слова.

Перед тем, как потерять сознание из-за отдачи от Самовозгорания, Юджин отчаянно держался и рассказал всю историю Геносу. В нее вошло все: дух тьмы, который оказался останками Королей Демонов, Эвард, творящий бесчинства, и предательство Доминика и Гектора.

— ...Я знаю, что ты сильный, старший брат. Но... независимо от того, насколько ты силен... ты все еще молод. Невозможно... убить Доминика, Гектора и Эварда, особенно если учесть, что они были вместе с останками Королей Демонов.

— Но я убил их.

— Да, это так. Кроме того, враги использовали Молот Уничтожения и Копье Демона, но единственное ранение, которое ты получил, — это перелом левой руки. Причина, по которой ты находишься на постельном режиме, заключается в том, что ты испытываешь отдачу после использования Самовозгорания.

Мужчина на мгновение замолчал. Затем, тяжело сглотнув, он уставился на Юджина.

— ...Старший брат.... Кто ты?

— Хмм...

— Ты нашел могилу сэра Хамела, которую никто не находил до тебя. Хотя ты сказал мне, что именно там ты нашел секретное руководство сэра Хамела... этого недостаточно, чтобы объяснить, как ты можешь быть таким сильным. Я знаю... Я знаю, как глупо это звучит, но... Я сражался с тобой, старший брат. Пока мы сражались, используя стиль Хамела, ты так умело использовал "Гнев Асуры" и "Молниеносную Контратаку"... — отчаянно объяснил Генос.

— Стоп. — Юджин поднял руку и протяжно вздохнул. Кроме всего прочего, юноша действительно не мог слышать, как Генос произносит "Гнев Асуры" и "Молниеносная Контратака". Он видел, как Мер сдерживает смех, доев половину яблок на тарелке.

— Я понимаю, о чем ты сейчас думаешь, младший брат. Да, я понимаю, к чему клонит глава Совета. — Юноша слегка кивнул.

Он мог бы опровергнуть их претензии, придумав отговорки, но Юджин не хотел этого делать. Хотя он пытался сидеть как можно более прямо, он чувствовал, как его раненое тело отказывается двигаться. В конце концов, юноша поднял голову так высоко, как только мог, лег на кровать и посмотрел на Геноса.

— Я — Хамел, — сказал Юджин не слишком торжественным тоном.

Раньше он думал, что если он собирается раскрыть свою личность, то сделает это более серьезно, в ситуации, которая подошла бы герою 300-летней давности. Однако теперь он решил, что будет более неловко откладывать этот момент, чтобы сделать великолепное разоблачение позже.

— ...Я так и знал!...

По молчаливому призыву девочки, Генос резал яблоки на дольки в форме кролика, но он мгновенно вскочил со своего места, услышав слова Юджина. Он тут же отложил нож и яблоко, а затем встал на колени перед юношей.

Мужчина не сомневался в Юджине. Наоборот, услышав это, он почувствовал себя гораздо лучше. Двадцатилетний юноша был так невероятно силен — было бы еще более нелепо думать, что Юджин стал таким сильным только благодаря своему врожденному таланту.

Прежде всего, если герой 300-летней давности реинкарнировался или вселился в Юджина, Генос теперь мог служить и уважать юношу как своего старшего брата, не смущаясь и не жалуясь. Конечно, мужчина не жаловался на то, что называет Юджина своим старшим братом, но он все равно был немного смущен.

«Если старший брат — сэр Хамел, то будет правильно служить и уважать его.»

Даже Геносу было трудно уважать человека моложе своей дочери.

«Нет... если он сэр Хамел, то разве неправильно называть его старшим братом?»

Когда эта мысль пришла ему в голову, мужчина вздрогнул, ощутив дрожь по позвоночнику.

— Учитель! — Генос говорил со слезами на глазах. Будучи наследником стиля Хамела, он не мог не пролить слезы радости. Он наслаждался великой честью называть великого героя своим "учителем".

— Какой я тебе учитель? — сказал Юджин с кислой миной.

— Все в клане считают тебя нашим учителем, сэр Хамел!...

— Но... ну... технически, я никогда не принимал вас, ребята, как своих учеников. Так с чего бы вам, ребята, называть меня своим учителем самостоятельно?...

— Ты научил меня новому, правильному стилю Хамела, учитель!... Почему ты отказываешься называться учителем, если ты принял меня как своего младшего брата и сказал мне называть тебя старшим братом? — Генос говорил с оттенком гнева.

— Хорошо, не сердись сейчас... — юноша тяжело вздохнул. — Скажи главе Совета, чтобы он навестил меня. Или мне пойти к нему?

— Нет, я пойду. Пожалуйста, оставайся в постели. — Аккуратно вытерев слезы на лице, Генос встал. Когда мужчина вышел из комнаты, Мер также тихо встала и подняла Плащ Тьмы.

— Я буду внутри Плаща.

— Если ты собиралась войти в него, ты могла бы сделать это раньше. Почему ты вошла только после того, как съела все яблоки?

— Я съела их только потому, что ты этого не сделал, сэр Юджин. Знаешь ли ты, что очищенные от кожуры яблоки со временем становятся коричневыми? Они выглядят отвратительно. Это называется процесс подрумянивания.

— Ам... вот оно как...

— Чтобы остановить процесс подрумянивания, нужно положить ломтики яблок в соленую или сахарную воду. Это интересно, правда? Леди Ансилла рассказывала мне, но я предпочитаю сахарную воду соленой. Соленая вода слишком соленая.

— Ты уходишь, или как? — раздраженно спросил юноша.

Мер озорно улыбнулась и залезла в плащ.

Прислонившись к изголовью кровати, юноша упорядочил свои мысли.

***

Прошло уже два дня с тех пор, как Эвард вышел из себя.

Как и Юджин, люди, захваченные в качестве жертвенных приношений, все еще находились на постельном режиме. По словам Гиона, они смогут прийти в себя не позднее следующего дня.

...Тела Эварда, Доминика и Гектора не были найдены. Да и восстанавливать было нечего. В лесу было найдено только тело Дикона Лайонхарта. Тело парня было положено в гроб, и брат Кармен, Клейн Лайонхарт, посетил семью Дикона, чтобы доставить тело.

Гилеад был извещен о событиях, но хотя он и хотел вернуться, ему пришлось пока остаться во дворце.

Черный Лев, отправленный к семье Боссар, был найден мертвым на складе их особняка. К сожалению, это был не единственный найденный труп. В особняке было найдено более сотни трупов — Танис, графа Боссара и слуг. Все они гнили.

Они также нашли дневник в комнате Эварда. Однако никто не проверил содержание дневника. Это произошло потому, что Кармен, которую отправили охранять главное поместье, пригрозила всем не проверять дневник до Гилеада, отца Эварда и Патриарха.

«...Это полная задница», — подумал Юджин, его голова раскалывалась.

«Глава Совета не сможет оправиться, поэтому он, должно быть, передал свою волю Совету Старейшин. Возможно, он умрет после того, как извинится передо мной.»

Люди все еще разбирались в ситуации. Эвард и Доминик погибли. Никто не мог подтвердить смерть Гектора. Семьи Доминика и Гектора уже были арестованы Черными Львами. Хотя Юджин не был уверен, что Черные Львы получат выгоду от допроса членов их семей, он был уверен в одном — репутация клана Лайонхарт теперь в сточной канаве. Вдобавок ко всему, репутация Черных Львов была разрушена и вываляна в грязи. Они были слишком беспомощны в недавнем инциденте.

«...Кармен Лайонхарт... Она, вероятно, станет главой Совета.»

После смерти Дойнса Лайонхарта Кармен Лайонхарт стала старейшиной высшего ранга.

«...Но она никогда бы не захотела этого, учитывая ее характер. Она все еще хочет быть на поле боя... Тогда станет ли Клейн Лайонхарт следующим главой Совета?»

Клейну не хватало достоинства, но он не казался плохим человеком.

«Что бы случилось с главной семьей? Я предполагаю, что Патриарх уйдет в отставку, чтобы взять на себя ответственность за воспитание слабака-сына. Тогда следующим патриархом сразу же станет Сиан? Или это будет Гион? Но они не сделают второго сына Патриархом, тем более что он уже стал членом семьи.»

Гион тоже не хотел бы стать Патриархом. Нахмурившись, Юджин вздохнул.

Юношу беспокоило одно — сейчас к нему приковано слишком много внимания. Даже Генос сомневался в подлинной личности Юджина, так что можно было предположить, что глава Совета, вероятно, думает о том же.

«…Я просто скажу Патриарху, что смог сделать все это благодаря Святому Мечу.»

Пока он размышлял об этом, раздался стук.

— Входите, — ответил юноша.

Дверь сразу же открылась. Юджин ожидал, что Дойнс будет в инвалидном кресле или кто-то поможет ему идти. Однако шеф вошел без всякой поддержки.

И все же, глядя на то, как Дойнс практически заставляет себя держать глаза открытыми, юноша понял, что человек умирает. Лицо мужчины было синюшным, а щеки впалыми. Что касается дыры в груди, Юджин ничего не мог разглядеть, потому что Дойнс был одет в униформу, прикрывающую ее.

— Это нормально, что ты так передвигаешься? — осторожно спросил юноша.

Несмотря на то, что он пошатывался, Дойнс шел сам. Закрыв дверь, он на мгновение уставился на Юджина, затем склонил голову.

— Для меня большая честь познакомиться с Великим Хамелом.

«Он даже не спрашивает меня, являюсь ли я Хамелем или нет», — подумал юноша, неохотно кивнув.

— Я… тоже… рад познакомиться с потомком моего друга.

***

Спасибо за прочтение!

http://tl.rulate.ru/book/51117/2653452